

**Бондаренко Надежда Ивановна, 1927 г.р., живет в пгт. Красногвардейское.
Записано 08.08.2006.**

С: С какого года вы живете здесь? С 32-го года?

И: Да.

С: А скажите, пожалуйста, полное ваше имя, фамилию и дату рождения.

И: Вчилась я в начальной школе на Петровке, одноэтажное здание, а потом двухэтажное, шестой-седьмой начала, милиция напротив нас дом пионеров. Отсюда я на фронт ушла.

С: На фронт ушли? А сколько вам было?

И: 14 с половиной.

С: А что ж так рано?

И: Когда привезли раненых, вся школа, сорвали уроки, побежали на вокзал, их выгружали на вокзале и возили в Лепино... Начальник госпиталя призывал, кто может, не хватает санитарок, сопровождать раненых. Ну, я прибежала домой, вот на работе родители, мать, все были на работе, написала записку, что ухожу... и больше меня не видели. Мы возили раненых, грузили прямо на пристани.

С: А где на пристани?

И: Керчь и Феодосия. Один раз мы поехали... А потом из Джанкоя брали. И последний раз когда въезжали, выгрузили в Феодосии, нас вообще сопровождали миссеры, миссершмидты немецкие, бомбардировщики... Из Джанкоя как идет этот вот она поезд... там ветка отходит вот, идет Симферополь, а этот как будто буквой «Г». И когда еще раненых грузили, с Перекопа возили раненых, налетели самолеты и наши истребители, чайки, истребители, завязался воздушный бой. Сопровождали этот поезд до самой Владиславовки, отбивали. Бомбят эти самолеты на бреющем полете обстреливают по вагонам, раненые кто слабый хотели прыгать с вагона, а мы же дети, нас там три подружки пошли туда, уговаривали их... В общем, когда возвращались назад, тоже доехали до Владиславовки, выгрузили раненых, зарево было, Джанкой горел. Ну и мы повернули обратно. Столько раненых было, вся пристань была усыпана. Стали грузить раненых, не могли подойти к нам катера, баржи. На баржах грузили, вот, потому что... И с воздуха, и так били, артиллерия, погрузили мы и, когда это стало, этот вот она трап убирать, в общем, я погрузила последних раненых и стала спускаться, катер стал, потому что с воздуха бьют, и бомбы ложатся то по одну, то по другую сторону, смотришь там мозги лягнули, то ногу оторвало кому-то. Такие вопли были... Конечно, страшно было девочкам. Ну, понимаете, как вам сказать, война шла, и везде плакаты висели: «Родина Мать зовет!» Мы не думали о смерти и ничего не боялись, кажется, страшно было, но мы знали, что это надо, мы шли вперед. Ну а туда мы это, подкатили на Тамань, там выгружали раненых. И одна еще была фельдшер, я не знаю ее фамилию, осколочное ранение уже на барже ее, легкое прошло насквозь навывлет осколок такой, и мы когда сгрузили, подходили эти зисы, на Темрюк раненых возили. Я ее погрузила раненых прямо так в кузова ложили раненых, а сама встала на подножку, мало того, что я перебинтовала, но я еще прикрывала рукой ладонью эту, легкие, потому что она не могла дышать, оно свистело все это. В Темрюк приехали в один госпиталь. Некуда, раненых полно. Другой. Но она была тяжело ранена. Я пошла к начальнику госпиталя, а там вообще в коридорах раненые кругом Ну сгрузили, а потом по другим госпиталям разделили. А потом я уже осталась там это, пошла в пересылочный пункт, чтоб меня направили туда. Ну, я была худая, длинная как каланча, меня дразнили «каланча». А кто у нас спрашивал документы, малолеток отправляли в госпиталь, а я прибавила себе два года было, и меня направили на пароход «Карл Маркс». По Кубани, с Темрюка на Краснодар возили раненых, потом уже Кубань замерзла когда стала, тогда опять пересылочный пункт, и вот это когда ... в госпиталя стали отправлять таких малолеток, а я прибавила себе два года и меня значить направили, еще в госпитали я, еще в госпитали, второе наступление на Крым, десантом

переходили через Керченский пролив, под Новый Год, до Владиславовки дошли. Наш госпиталь, 170-й полевой подвижной, четыре километра от линии фронта стоял. Находился в Лесовке, там два двухэтажных здания каких-то стояли. Зима была, раненных тоже прямо возили, грузили в вагоны товарные и возили на Керчь, а поили раненых – топили снег на примусах и поили раненых, а потом опять второе отступление было, я была в госпитале при хирургическом отделении, при операционном, научилась как тогда были такие примуса большие, стерилизовать все, в общем, день и ночь там стояли носилки, на носилках до потолка покойников, с передовой поступали к нам, операционная была полная, стояли носилок. И когда первая ампутация шла, привезли одного лейтенанта. У него раздроблена была тазобедренная кость, вот сапоги окровавленный сапог. И я стояла, держала его ногу, под коленный сустав и под голень, она же тяжелая, онемела замерзшая, и как этот врач взял ампутационный ножик, он длинный такой, тока тр-р-р, затрещала кожа, и я упала, потеряла сознание. Ну, меня привели в чувство, и с тех пор я уже больше ампутировали руки, ноги, конечно, все, что делали, я стояла и все видела и помогала, держала, где надо было. А под этим, в коридоре же, по одну сторону здесь стоял движок. Вот так двери оттуда были, сюда движок стоял, а сюда раненные. Покойники были, утром их хоронили, потому что ночью куда, пурга такая, вьюга, еще прошел какой-то танк, «тигр», стал под госпиталь, там какой-то был амбар, видно зерносклад или что, наравне с крышей накрыли. Такая пурга была. Мы поубирали с медсестрой... Где-то уже в три часа закончил хирург операцию, всех раненых приняли, а у него пальцы вылезли, сапоги порвались у хирурга. И он стал меня просить: «Надюша, - говорит, - не в дружбу, не в чужбу, а в дружбу, сними сапог с этого... Он с одной ногой, его ж ампутировали, все, один сапог есть, а один же на раненой ноге»... А, мы же вынесли бинты. Окоп там был, и выбросили, и ногу туда. Обычно, был такой, значит, ну я не знаю, как закон или что, что конечности хоронились и с раненых то должны были хоронить вместе с ним. Но там такая теснота была, что некуда было это девать. Я говорю уже выбросила Пурга метет, снег. Пошли мы с медсестрой, пришли до окопа. Она меня посылает в окоп, а я ее. Стоим, а холодно, ну что, я ж и по возрасту младше, и по чину, я санитарка, прыгнула, нащупала, притащила эту ногу. Как мы снимали этот сапог, она стоит на ноге, а я тяну. В общем, сняли, помыли и дали этому хирургу. Ну, потом опять отступление. И после отступления опять Темрюки, пересылочный пункт. Вот там малолеток уже и на госпиталя отправляли. Но я себе прибавила. Слышала, что Севастополь, за Севастополь еще идет, идут бои, и я ж хотела скорее освободить Крым и Родину. Ну как считается, знаете, как дети, патриотизмом не считали себя, а просто ну стремление такое было, помочь, чем можешь, что в силах, чтоб скорей война закончилась. Ведь все, млад и стар, поднялись на защиту Родины. Ну, я добавила, меня направили в первый отдельный стрелковый полк на курсы санинструкторов. А оттуда уже тогда в действующую армию, 138-я стрелковая дивизия, 650-й стрелковый полк, 3-й батальон, 7-я рота, там я санинструктором была. Представьте себе, 12 санитаров такие вот деды, папы, а я с ними занималась, командовала ими, вот такое дело... Там мы стояли в Жмуровской станице, Ивановской, Крымская... Славинская, а потом нас... Ночью выгружались, летели самолеты и высадился десант немецкий. Тоже завязался бой воздушный, отбили, и наши, мы шли там, какие-то калмыцкие степи, мы держали оборону, Верхний Курманьяс, Нижний Курманьяс. И вы знаете, столько было этого, раненых, у меня уже кончился этот, перевязочный материал, и я когда докладываю – нечем перевязывать, он мне дает свою лошадь, а я ездила на лошади верхом, еще с детства, без седла. Верхний Курманьяс состоял штаб полковой, полковая санчасть и он говорит – боеприпасы кончаются, пэтэровские патроны в основном, пэтэровские противотанковые ружья были и патроны. У меня был карабин. Я умела стрелять, умела разбирать его, этот карабин, в санитарной сумке таскала еще и за плечами этот. Ну, на передовой конечно и ночью и днем, ночью переползаешь через раненных разговариваешь – молчит, послушаешь пульс – а он уже застыл, переползаешь дальше, как-то не было ничего страшного, у нас, держали мы

оборону, за Верхний Курманьяс, трое суток такой огонь был, когда я попала в плен, в Сымлянскую, тот берег высокий был, обрывистый, а там поле было, была посажена трава какая-то в рост человека, окопы и вот это нас мы оборону, шо оттуда нас били без бинокля, без ничего всех видно было, и я вот как тока соберутся два-три человека раненных, так я в штаб поднимусь, бежать, а эти стояли, как они? Ой, бьют снайперы, трава высокая, тока кинусь бежать – та-та-та-та-та вокруг меня, я упаду и поползла так попластунски – престал стрелять, в другом месте – чуть перебежками. Так погиб там один парень. Я его даже не знаю, не видела, когда я приползла к штабу, а мне говорят: ребята, вот, говорит, парня застрелили, когда вы бежали, и на вас стал стрелять автомат по вас и вы упали, и он думал, что вас убили – высунулся, хотел бежать, а его снайпер убил – влюбился в вас. А шо там мне влюбился? У меня не было ни парня, я не встречалась, не знала что это такое. Конечно, не видела и похоронили его вже, ну, в общем, пришлось через эту мясорубку пройти, через этот ад. Потом, когда вже отступали, наш батальон прикрывал отступление всей дивизии. Приехала я на комбатовой в Курманьяс. Ни полковой санчасти, ни штаба нет – ничего, все вже уехали. Еду назад на лошади верхом, а у него была такая лошадь, что если скажешь: «Ложись!», она ложится в овраг там. От выходят овраги, овраги, к дому, армия отступает, а мне говорят, что ж вы, мол, это, едете туды? Там вон, видите, вон наша часть отступает, а как я могу отступать без своей части? Я должна явиться в батальон, я еду, на встречу едет командир полка и комиссар полка на этих, а я везу обоз один и другой прицепленный там и патроны и мины, все скока погрузили. Подобрала троих раненных, потом еще посадила на этих. И я могла, конечно, уехать, сесть на лошадь, но меня бы, это было б предательство полное. Тут вже и пристрелили бы эти раненные, как я могла это сделать? А комиссар говорит: выезжайте немедленно, что вы здесь делаете? Я ему сказала. Ну, подождите, мол, пока подождите, щас я. Мы в разведку пойдем. И они как поехали, вот мы ждали, ждали, солнце светит, а видно уже далеко так машины йдут. Это оказывается наши «зисы». И солнце садится на горизонте туда, а сзади кибитки. А я смотрю и говорю: «Румыны! Давайте гоните лошадей». И мы стали гнать лошадей, а пыль такая на колеса крутит, подбъезжаем, а там, через за Верхним Курманьясом деревня какая-то и речка. Через эту речку мост надо было, мы подбъезжаем. Я говорю: «Пусть пыль разойдется - надо посмотреть, потому что наши, когда отступали, мост заминировали». И так вы знаете как пыль нагортала мины вот эти вот видно где пальцы все, пыль расходится, я смотрю, а румыны подошли к вот этому мосту, артиллерия остановилась, ни не могут перевести артиллерию, речка не глубокая, но такие булыжники там все, вот, и в кустах видят, желтые нашивки на рукавах и эти, потому что мне приходилось, собирала я не тока своих раненных, еще и румыны попадались, полковник попался был, даже с денщиком, он его не бросил, вот перевязывала, и я уже знала, что это румыны, они по пять-шесть раз за сутки ходили в атаку, напьются, вот это вот прожектора освещают – бьют, и с воздуха бьют, и сами по своим, и наши бьют по ним и они, о такое от месиво. Ну и это, потом, значит...

С: А почему в кибитках румыны?

И: А пехота шла пешком, и в кибитках я ездили, так как вот цыганские такие кибитки у них были. Там девять дивизий румын двигалось на Сталинград, немцы, итальянцы. И вот нас здесь окружили, подняли, выстроили, мы и стали бежать все. И пришлось нам, было в общем, четыре человека наших и два попало разведчики тоже с этими с лошадьми, бежать, а смотрим, а куда, дальше через речку открыли огонь, комиссар полка и командир поскакали галопом и их не достали. А я с лошадью, я ж не могла бросить раненых и бежать. Прострелили в самый... Так меня забрали в плен румыны и повели. Да, румыны, повели нас, этих четыре человека, еще там. В общем, нас было 10 человек, примкнули в колонну, а мене в колонну поставили первую. Повели к этому мосту, чтобы мы показали, там видно, что заминировано где. А мне бойцы говорят: «Ты, сестричка, иди, - говорит -, последней, и старайся след в след идти. Если мы пройдем, не подорвемся, значит, мы пройдем».

(...)

И: Повели нас в штаб. Генерал такой сидит, погоны, знаете, золотые, такие, вот сюда переплетены и ест белый хлеб такой и такая курица в руках. Ау меня слюнки потекли. Нам трое суток не могла кухня подвести питание. Разбивали. Раз прорвалась, привезли плов. Воды не было пить. Вот после дождя с под копыта осталось где-то, там уже головастики. Бинт приложишь и сосешь эту воду. Не то, чтоб руки помыть. У меня, я на передовой была, в мужском обмундировании в брюках это, рукава заочены так. И получалось все в крови засохшее, потому что и ночью ползла. Все напиться нечего было, а не то что это... И вот взяла сала кушаю. От здесь потеки жира текут. Уже ничем не брезговала, ничего. Ну и стали меня пытаться: «Кто я». А у меня еще были тыловые знаки различия – старшина батальона и санчасти, три треугольничка, раньше были шпалы, кубики, старшина батальона санчасти, тыловые, красенькие такие и ...обмундирование. Ну, конечно, меня били, «жидайка-комиссарка» называли. У меня волосы были во такие (показывает) по попу. Хотели отстричь в армии, а я сказала: «Если вы меня острижете, я застрелю сама себя». У меня чистые волосы были. У меня с природы волосы вьющие, кучерявые и такие волосы были длинные. Так они меня за волосы таскали, и шли. Вот армия идет. Представьте себе, нас человек 400 пленных гнали. В общем пытали, и пальцы в дверях давили, наган наставляли, если скажешь, как армия, в какой части, разлагается или не разлагается, вот, какая, какое у нас, значить, снаряжение, все. А я говорила, что я санитарка, я ничего не знаю. Они принесли медикаментов ящик, показывают: «Что это? Что это?». Но у меня санитарная сумка была и все это. В общем, пытали. А потом тоже в эту колонну военнопленных. Нас гнали, там Калмыцкие степи, раскаленные пески, старались не гнать этими, селами, потому что, там, когда через села... Если уже не обойти, гнали. Люди, кто картошину старался, кто там хлеба кусочек, или что. Они отгоняли. Они были на лошадях, два румына. Вот и гнали нас. Даже один гражданский такой, видно больной, босый, подошел и кинул, сунул в руки пленному хлеба кусочек. А его румыны увидели и заставили его пятки, поднять ногу и по пяткам палкой, по пяткам и тоже в колонну его примкнули. И кто отставал – тех расстреливали на месте, и вот нас прогнали однажды полувисохшему какому-то озеру. И кто кинулся пить воду, напился – тот и остался там, вот, а...

С: Убили?

И: Умерли от сильной жажды. Сколько суток не пили! Истощенные люди были. И так если уже где-то на ночлег приводили в эту, в село какое-то всех у кучу сгоняли в круг, вот румыны охраняли нас.

С: Много их там было?

И: Да, ну а я ж была одна девушка и мне бойцы старались сберечь. У кого в фляжке хоть какая капля воды или сухарик: «На сестра, ты должна дожить, ты должна рассказать, как мы не предали родину, что мы с пустыми карабинами воевали, нам нечем было, штыки и это, обороняться не могли подвести нам не боепитание, ни продуктов, ничего». И берегли. А как ночь наступала, у нас еще было два казака. Попали эти донские казаки разведчики, у них бурки эти казацкие. Румыны искали меня по ночам, чтоб меня изнасиловать. И они меня, значит, как стемнеет. Они меня, там линия фронта недалеко была, фонариком не могли они, с под полы ходили, светили. Они меня ложили в середину, ложили бурку, на бурку я ложилась, а наверх это, как смотрят – румыны ищат, так бурку на меня бросают и все головами ложатся, так они меня спасали. Пригнали нас в Цымянскую. Там 12 тысяч военнопленных было. Евреев и политработников прямо в лагере заставляли копать могилы и здесь же расстреливали...

С: А как они их выделяли?

И: Как они определяли? Не знаю как евреев определяли, а командный состав же видно, по шпалам и по этим, да, и по кубикам...

С: А только военные были или мирные тоже, население вот в лагере?

И: В лагере? Военное было. Все военнопленные, но были и такие, видно партизан, или кто, или по клевете или это, тоже были гражданские. А потом наших врачей, фельдшера, врачи, санитарок переместили, перевели в госпиталь, где военнопленных, там было два здания двухэтажных, на полу просто лежали эти, кормили нас – вот такие вот есть корбочки, как сайра или что маленькое, это на пристани горела пшеница, вот горелую эту пшеницу и кости лошадиные или какие – черви плавали, ни соли, ничего, вот это одно. Такой станок как для скота, здесь, значит, как бордюры сделанный и сюды по одному, чуть кто вперед или назад – били палками. Вот это такая кормежка была. Перевязывали мы раненных в основном марганцем промывали, а раны, если большие – нафталином присыпали. У меня тоже раненная была нога правая – осколочное ранение. Ну наши врачи меня зашили там, вот, наши врачи пленные работали и немцы. Когда немцы уходили на обед. И вот я была санитаркою, в операционной, когда носилки занесли, а перед последним боем политрук брал мои данные к награде представить, и вдруг я смотрю, немцы ушли врачи, лежит политрук на носилках. А он узнал меня. И я его узнала. И он так боялся, что я его опознаю и ну выдам немцам. Как я могла выдать? А я хотела бежать, а как бежать, куда, я не знаю. Ночью нас выгрузили там. А сколько маршем шли, де эти села, все это ночью, я ничего не знаю... Там еще какие-то села, это же я не знаю ничего, нас когда гнали в лагерь – обгорелая земля, обгоревшая, в лохмотьях старики и дети обгоревших. Румыны забили колхозного одного этого, вола варили костер. И, эти жители мирные обгоревшие вот в этих окопах военных жили, приходили кости подбирали. Люди – ни воды, ничего, ни пищи, ну скелеты в обгорелых этих лохмотьях. Кругом все сгорело, а горело, что было, а что уничтожали, там же и партизаны были, немцы эти жгли села с людьми, сжигали. Ну а здесь, когда я встретила. Этого уже увидела, я ждала, не могла дожидаться, когда немцы уйдут на обед. И говорю: «Где я нахожусь? Куда мне?». Бежать уже на линию фронта я не могла. У меня румыны содрали форму, забрали все. Принесли мне 45-й или 43-й парусиновые старые туфли дырявые, диагональная юбка выгоревшая и сорочка мужская, потертая, обшлага и воротник. Дали переодеться вот. Ну, это мне было на руку – можно было бежать, но куда, в какую сторону? Переплыть Дон. Здесь через Цымлянскую был мост, и охраняли его немцы и румыны по очереди. А плавать я не могу, чтоб бежать и подальше. Дон широкий переплыть я не могу. И я решила возвращаться домой туда в тыл. Ну, политрук мне значит стал диктовать, я такую бумажечку взяла, написала Миллерово, Морозово, Токмак, вот идти куда значить, чтоб на Геническ. Я хотела на родину свою как-то, все эти где проходить через Сталино, Ворошиловград. Вот и я скатала вот так вот она, эту вот бумажечку, а в кальсонах была, рубец нижний распорола – туда и подкатила. И там еще была тоже фельдшер одна Благая Лидия, она со Сталино одна, а она была в положении, от кого не знаю и она, ее немцы отпускали – последний месяц, боялась идти. Пешком надо было, поезда не ходили, де в машины голосовать, де ехать. И она отдала мне свой старый пропуск, что ей дали, а ей новый выписали. И вот мы бежали с ней. Вышли мы за Цымлянскую на перекресток. Люди ходили на барахло, на продукты меняли по селам ездили с тачками. И шла румынская машина груженная какими-то бревнами. Подняли эти руки все кто стоял на перекрестке, они всех посадили... В общем, километров наверное двести за день нас провели, высадили, а оттуда так пешком, я Чаплино дошла и поцепилась на товарняк, который шел сюда, в сторону Украины, меня там тоже высадили, тоже в лагерь угнали, а там нас возили и военнопленный один был, возили километров за 20 или 30 от Синельниково товарным поездом выгружали и охраняли нас немцы с велосипедом, два немца вооруженные и вот так посадка лесополоса, мы рыли, значит, для прокладки канавы кабель железнодорожного. Ну, я в первый день там 20 сантиметров не докопала, меня побили и не дали ничего, хоть ужинать нам давали черный кофе без ничего – кусочек пышки. Спали на соломе – я заболела, у меня и ангина и вшей стока набралось, и температура была. И я решила бежать оттуда тоже. Лагерь такой был, оттуда отправляли молодежь уже готовили в Германию. Ну высокий такой забор был, а на

вершине в три ряда проволока колючая и проходил ток, в лагере вышка была, на которой, значить, охранники видели, кто пытался бежать, тот погибал там. Значит, нужно было бежать отсюда только. Ну и больным дали нам три человека такие были кувшины немецкие, были эмалированные красные – воду носить. За семь километров была маленькая деревушка, не знаю как ее название. Там колодцы, такой барабан, вот мы успевали два раза сходить по воду – жара такая была. В туалет если хочешь – пять метров отходи и мужчины и все, кто, перестреляют на месте, дальше не разрешали, а уже сколько дней не кушала и напротив вот так домик и так запахло хлебом, а я уже не могла. И дизентерия у меня открылась. И я говорю этим: «Вы несите воду, а я побегу в туалет, я вас догоню». И они пошли, они пошли – деревня небольшая, короткая, одна улица. Смотрю, они вже повернули туда, я взяла эти два кувшина и прихожу в этот дом. А женщина сидит, двое детей, или двое или трое, уже забыла, кислое молоко кушает и пышки, она тоже последнее барахло ездила, поменяла на Украине и понимаете, спекла эти пышки, там и уголь там и стекло там и просо, там и жито, в общем, отходы, зерно половинки и это. Она заплакала, говорит: «Моя детка – говорит - вот дети, говорит, с голоду...». Ну корова у нее своя была еще, вот только приехала, уже й нечего везти, продавать. Сами голодные, а я заплакала: «Я, - говорю-, я уже сколько дней ничего не кушала. Ну, если вы так не соглашаетесь, дайте мне кусочек пышки и немножко кислого молока. И я вам отдам эти кувшины». И она посмотрела и на детей, забрала эти кувшины. Не дай Бог немцы, если найдут – перестреляют и детей и это. А я не подумала, и отломала кусочек этого пышки, и я ее так проглотнула, с кисляком. И вышла на дорогу, а солнце садится. Это, думаю, они вже подходят, вже где-то если увидят те что только двое, они на велосипед и меня разыщут и вы знаете, а раньше ж нас как воспитывали против религии, а я че-то пред глазами родители, мать и отец и все: «Господи, помоги мне!». И вышла в деревню. Мне надо туда вот это, а я сюда назад. Вышла за деревню. Ну, километр прошла или нет. Еще деревня видна была, иду и оглядываюсь, как могу, то бегу, то иду, так в шее стук у меня был, что я так по дороге шла, вот так за это, и бросала и убегала от них, и убегала, волосы длинные, может я от переживания или от голода или от чего, когда смотрю, едет бричка зеленая, такие гнедые. Мужчина, лет под 50-45. Я поднимаю руку. Он останавливается, а у него в бричке лежит солома. Он говорит: «Куда тебе, дочка?». А я говорю: «Куда едете – туда и меня». А он говорит: «Что, оттуда, наверное?». Я говорю: «Да, тогда – говорит, - быстрее». Разгребает солому. «Ложись, - говорит - вниз лицом». Бросает на меня солому и пускает лошадей галопом, а он оказался ветврач этого района. Где-то, я забыла, какое это село. У него был пропуск, разрешалось ему ездить кругом, и он привез меня домой. У них единственная дочь была, которую угнали в Германию. Заводит ко мне, меня в дом, а я боюсь зайти. «Заходи, заходи, дочка». А и она вышла. Я говорю: «Нет, вы мне постелите здесь соломки, в коридоре, я пересплю, а утром туда, дальше пойду, да». Она: «Ну что ты детка, ну заходи». Я говорю: «Я вам вшей принесу, у меня столько». «Та ничего, заходи» – завела меня за руку, накормила, раздела, постирала, дала свою одежду. На печь положила, я переспала, еще только-только чуть светало. А раньше было, значить, и вечером, стемнеет – запрещали это хождение, стреляли всех румыны. И рано утром, когда уже разведнится – тогда только. И он мне сказал, как идти вот, на Токма, Миллерово, Морозово, вот эта, чтоб Ростов обойти. Как идти значить, э, дальше, через Ворошиловоград и я пошла, так я вбегала. Задерживали еще один полицейский тоже это, к одним пришла попросить кушать, а меня это как раз, начальника полиции жена была, ну видно добрая женщина, говорить: «Ой моя детка, садись скорее, я тебя накормлю, потому что у меня муж начальник полиции, если он тебя увидит, он тебя заберет». Ну, это было уже к Геническу туда ближе. Дождь прошел, а люди, старик ехал такой, с тачкой, после дождя грунтовая дорога, оклуночек один другой, там по оклунку что-то выменял. Она говорит: «А куда вы идете?». А я уже встала. Мне говорили тогда: «Ты не говори...». ТИ цыганка мне еще в армии гадала, как будет со мной, что у меня, тоже когда в семисотке мы вышли за снегом, брать снег – налетели самолеты, бомбить стали и подруга моя

бросила ведра и побежала у в этот у окоп – разорвалась бомба ее осколок – навyleт легкое пробил, а я как стояла у белом халате – так бросила ведра и навзничь упала и меня не задело. И меня так цыганка присказала: «Если ты будешь, мол это, не будешь откровенная с людьми, говорить правду, то ты выживешь, останешься живой». И потом люди говорили: «Не говори, что ты с плену бежала. Говори, что ты со скотом была эвакуирована». Ведь нам, война как началась и с колхоза отправляли скотину на переправу, на Керчь...

С: Это вот здесь?

И: Ну да.

С: С Красногвардейского?

И: Да, с Красногвардейского. Да. «Большевик» вот был совхоз, это там сестры мужа родители жили. Конный завод был племенных лошадей, тоже туда отправляли. Люди эвакуировались и шли с оклунками, но бежал кто как мог. Убегали спасались, да... мирные...

С: Многие уехали?

И: Да, уехали. Ну, а я... Да и там так от люди ходили, ну и мне сказали: «Что ты...». Говорят: «Вот ходят от нас. Старики идут это, примкни к ним. В Геническ не пройдешь, потому что там охрана стоит и проволока, колючая проволока, огороженная аж у моря. И там по очереди уже: румыны меняются с немцами». И эта мне начальника полиции женщина говорит, накормила, говорит: «Вот будет или старик какой-то с тачкой или что примкнись. Это попроси, чтоб помог тебе. Туда без пропуска не пройдешь». И я вышла за это село. После дождика на колеса крутит, а старичок сидит, отдыхает, через плечо вот эта веревка... А я разговорилась, поздоровалась. А он оказывается с Геническа и знает моих родственников и все. Я говорю: «Помогите мне, пожалуйста!». «А кто вы такая?». А я говорю: «У меня там двоюродные сестры и крестные, там у меня много родственников, это моя родина, вот со скотом была эвакуирована, вот, это возвращаюсь». Он говорит: «Хорошо, детка, попробую». «Я - говорит, - это, утром приходил – немцы стояли. Если румыны, то, может, пройдем». Когда доходим – румыны, вже вечерет. Он объясняет, что к жинке нам, и я в таких лохмотьях. «Это, сестра в гости идет, пропусти, девчонка, что это?» Что я й грязная, ноги босые, то й шла в этих туфлях – ноги натерла, а потом ишла босая – побивала, раны на ногах, эти туфли несла, оклуночен старой юбки, там идешь по над железной дорогой, где кочаны молочные зрелости, сорвешь и кушаешь, где на железной дороге смотришь – кабаки растут – пойдешь попросишь, они ж там для свиней варили кабаки, все, курай насобираешь – такой сладкий кабак этот и попьешь юшку, в скирдах уже ночевала, так уже не просилась, потому что, сколько задерживали меня, и поэтому где приходилось, где ночь сгостовала – так я и шла. Ну, он пропустил. идем мы. Вошли в Геническ по мостовой, идем там булыжные такие мостовые вымощены. Смотрю, угловой дом обитый этими досками, а он говорит: «Ты не волнуйся детка, тут бомба разорвалась у них во дворе, но они живут там в другом доме во дворе, там буквой как «г» был двор туды внутрь». Я его поблагодарила, пришла. А у меня брат двоюродный, он, у него один стеклянный глаз, его не взяли в армию, а жена его работала в колхозе. Как раз пришла, готовила, она вот такая чистеха была, чисто так, ну грязь была, я ноги очистила, палкой почистила, как могла. Подошла к дверям, спросила, там старушки сидели, где живут Скоропадовы, моя девичья Скоропадова фамилия, а они говорят: «Павлик вот здесь вон прямо дверь». Ну я и пошла туда, стучу, а Дора отвечает: «Войдите, войдите, куда ж мне входить...»

С: Дора, это его жена?

И: Да, жена. Куда ж я могу такая, хоть и ноги очистила, а у нее помыты полы, все блестит так. Я говорю: «Я не могу войти, пожалуйста, выйдите. А я каждое лет на каникулы всегда уезжала на родину. У них был свой баркас. Было там еще два брата, один танкистом погиб, а один на шахте засыпало – слепой остался. Я всегда там, ну плавать не научилась. Они плывут в море, вот такие домики и это прыгают под баркасом, гоняются, а

я пищу, еще боялась. Так и у нас все, одна я не умею плавать и по сегодняшний день, и дед и дети, внуки – все умеют, а я вот почему-то не знаю. Но я тонула в Дону, тогда, когда катер обходил с ранеными, сорвалась с трапа тоже и сумка и меня матрос выловил и поэтому я, наверное, уже боялась. Дважды тонула, спасали. И я не научилась. Она выходит и на пороге это: «Заходите, не бойтесь. Я говорю, что не могу войти, у меня ноги. «Ну, ничего там тряпка, вытрете». «Нет, не вытру». А потом что-то знакомое, она отставила сковородку, говорит: «Что-то знакомый голос». Подходит и смотрит на меня, на мою среднюю сестру: «Нина?». А я говорю: «Нет, не Нина», Она: «Ой! Надя!». Давай меня целовать, затащила, тут вытащила таз и ноги помыла. Пока муж был ее на работе, брат мой это, она казан воды нагрела. А я боюсь проходить, потому что вши, так и она мне покупала и, вы знаете, газеты постлала на подоконник, густой гребешок, с меня сыпется – в газету и в плиту, в газету и в плиту. До тех пор чесала, пока перестало сыпаться и керосином намазала. В общем три дня и не мыть страшно было, ну а потом же надо было как-то домой. К коменданту надо было идти за пропуском, не пройдешь...

С: А проверяли, вот пока вы у них были, заходили в дом, проверяли, кто живет?

И: В дом – нет. Я была, я была в этого брата, а потом пошла к тете Зиной папиного, папиной невестке, в другом конце города. В ней и находилась, а в ней тоже соседка двух детей оставила на нее, одного в колыске. Пошла тоже менять барахло. И я там пришла, мне, вы знаете, как всегда. Ну пойду. Моя очередь не дошла, два человека примет и все, Ну, как же говорить, хотела как через это. Я со скотом была. А потом я сидела с тетей Зиной. Она вот так напротив сидит, вот так эта кровать, а тоже дом сгорел у ней. В сарае там они это помазали, побелили, побелили и находились. И эта соседка тоже. И так она сидела на кровати, деревянная колыска, качала ребенка, а здесь такое маленькое окошечко, вот, а сюда, здесь кресло. Это я сидела все время так и это. Вот, она так гадала на карты хорошо, тетя Зина. «Вот мама, вот-вот ты увидишься с мамой». Вдруг кто-то промелькнул мимо окна, я сидела так на тетю Зину смотрела, а она успела глянуть в окно: «Кто там?». А мама к Павлуше пошла. Там крестная моя, весь город обходила: «Была?». «Нету». «Была?» «Нету». Наверно там, у Зиной. Пришла к тете Зиной последняя, это сюда как раз в начале Геническа, если отсюда ехать а там станция далеко. Двери открыла и меня закрыла дверями, и вместо здравствуй тети Зиной – где Надя? А она смотрит – онемела и я онемела. Она: а-а-а...показывает вот так вот, а холодно было, уже заморозки были, что, дверь закрой. Она закрывает дверь и видит меня. И мы ночь не сомкнули глаз – целовались и плакали. А у мамы был пропуск по малолитейке, она тоже барахло привезла на продукты менять. А там в Геническе у женщины встретили ее, на вокзале, рыбу там бычки выносят все, говорят: «Что ты, Поля, здесь делаешь? Твоя дочка здесь младшая там в Геническе, говорить, не может домой никак попасть». И вот это там уже договорено было с рыбаками, если я вот это пойду еще и не дадут мне пропуск, то ночью на Арабатской стрелке меня рыбаки высажат. Арабатская стрелка – я вже в Крыму. Ну потом мама уже пошла со мной, вот, к коменданту, а мама могла говорить по-немецки, потому что мама у меня была русская немка, одесской области уроженка...да...

С: А как маму звали, как маму звали?

И: Мама Полина... Пелагея, но это...

С: А девичью фамилию помните мамину?

И: Швальба...ласточка. Но дело в том... Мама мало рассказывала. Она тоже любовь крепкая была, родители были против. Она бежала, они тайно поженились. Это все, тогда. Ну дело в том, что да мама это, гадала, была тоже ходила к гадалке у в этот... Ей сказала гадалка: «Видела меня, что я живая в белом халате с ведрами». Снег когда набирала, представляете? На магию гадала и видела, и сказала, подруга погибнет, а она останется живая. Так меня мама берегла, а я конечно двенадцатая по счету у мамы. Умирили братья. И на границе у меня был, умер от брат, когда был в командировке – заболел тифом, воспаление легких, потом прилетали самолеты, жесткий режим – не спасли. Брат на

фронте, старшим лейтенантом погиб. А я младше, я почему-то мне казалось, что мне казалось, что я обязательно встречу с братом на фронте, увидеться...

С: А папу как звали?

И: А папу Иван Данилович. Скоропадов Иван Данилович, он тоже был в гражданскую войну раненный и три года был в плену в Австрии. У него ни до самой смерти от колен открывались все время: разорвался снаряд – зараженный был, все время раны не сходили, только загоются и опять.

(...)

И: Ну так, а здесь пришлось мне, в общем, много досталось...

С: Так вы вернулись сюда, еще немцы стояли в Крыму? С мамой?

И: Да, я пришла тогда с этого, но кто-то меня выдал...

С: Здесь уже в Красногвардейском?

И: Да, у меня ноги еще совсем даже были не загоены, вот эти раны. Меня кто-то выдали. И меня вызвали на биржу труда и меня забрали в Германию в 43 году последнюю перед Новым годом угнали. И чтоб меня опять не потерять мама бросает семью, всех и едет со мной добровольно. Там в лагере в Эдинбурге были мы и нас посчастливило меня, покупатели приехали, нас выстроили в шеренгу, как скот, проверяли мускулы зубы, что умеешь делать, а у нас семья большая была, я могла и готовить и коров доить и веять и стирать и свиней, ну в общем и мало того, что еще училась и детей нанималась, это бедненько жили, жили в центре, вот где аптека – наш дом был, но когда на вокзале равлися со снарядами вагоны, эти, колеса с вагонов... занесло и у нас стены разошлись, потолок обвис, мы с папой разобрали камень и все на Журавлевку в село к свекрухе привезли, думали построимся, но свекрухин сын построил дом и продал, а сестра с пятерми детьми вынуждена была, муж на фронте был, пойти в колхоз за квартирой, оставил без квартиры ее, вот на том месте построили аптеку и ще рядом дом, где мы жили раньше в центре прямо, я разбирала, ан лошади верхом ездил и так, с детства я могла на велосипеде...

С: Надежда Ивановна, а вы помните вот перед войной, когда еще с Советским Союзом войны не было объявлено, ну может в Польше война шла, радио слушали, газеты какие-то статьи были перед этим?

И: Помню. Еще было, помню, вы понимаете, предзнаменование перед войной, появилось столько лягушек, поезда у нас вот здесь не могли пройти к вокзалу, через эти рельсы полно было лягушек, давили, скользили вагоны, и перед вечером вот туда зарево такое красное было, вот по ту сторону железной дороги Петровка в нас, что мы бежали все – думали там пожар, просто пожар был, зарево и старики предсказывали, что будет война.

С: А, это не пожар, а что это было?

И: Это знамение перед войной...

С: Солнце так садилось?

И: Да, так говорили старики, вот лягушки, вот это зарево было.

С: Ну вот что-то рассказывали о том, что в Польше творилось?

И: Ну я, понимаете, учились мы когда в школе, этого, ну радио, вот, а радио вот когда началась война, на радио сразу говорили, я еще, мы сразу стояли, стояла в штабе народного ополчения, в нас был штаб народного ополчения, у доме культуры на втором этаже, я стояла с винтовкой на посту, потом в райкоме партии стояли на посту комсомольцы и знаю, что вот это, ну в колхозе у них папа там был сторожем, в сберкассе работал, по тому что, а раньше он пока было здоровье и стрелочником в Геническе работал, когда переехали сюда и пекарем работал, а потом уже ноги у него не могли, вот это он сторожем последнее время работал, а мама й поваром в столовой работала и на поле там... уборщицей, где приходилось, везде, потому что там надо было

С: Семья большая...

И: Да. Семья большая была.

С: А как сестер, братьев звали, можете сказать, по старшинству?

И: Николай Иванович – погиб, старшим лейтенантом, на фронте; Леня, у меня портрет там есть, который в Шостке умер под почетным караулом стоял и потом мамин брат тоже он перед войной этому, от Калая (?) Там забыла, как этот колхоз назывался, его заставили сапом заболевших лошадей, раньше их стреляли, лечить и он лечил...

С: А он врач был ветеринар?

И: Да, от семьи все, заразился сапом и его в Джанкое в больнице трижды травили – отравили, умертвили, осталась семья, дети все не могли. Узнали, что сап не лечится, а человек погиб.

С: Ну а вот, когда войну объявили, как-то предупреждали народ, отсюда уезжали, эвакуировались местные жители?

И: Конечно, как по радио сообщали новости, слушали и бои где проходили, бои, и...

С: А радио дома было или на улице?

И: Дома радио было, в центре было репродуктор большой слышно было и на доме культуры был такой аппарат воздушная тревога, когда была воздушную тревогу крутят, и уже самолеты летят на равнее проводов и стреляют по улице немецкие, прорывались быстро. Вот здесь у нас это, вот это где мы построились, здесь степь была и вот эта Журавлевка вот село. Кругом стоял военный это, морская пехота была, здесь была НТС, там казарма была, самолеты стояли, истребители, чайки стояли, бомбы лежали здесь, все кругом это было завалено и воздушный бой каждый день наблюдали это и бомбили.

С: А кто уезжал в эвакуацию?

И: Ну, в основном, конечно, в эвакуацию выезжали, колхоз и скот отправляли.

С: А какие колхозы сейчас, можете сказать?

И: Все колхозы.

С: Все, кто тут вокруг были?

И: Конечно.

С: А какие здесь были колхозы?

И: Ну я по колхозам не была, я знаю, коммуна «Борьба», это вот где наш свекор жил, а потом, а большевики последнее время был этот, лошадей этих как он, племенных Ворошилову дарили, ездили в Москву. Ворошилов на лошадях отсюда ездил со Сталиным. Свекор партизаном был в гражданскую войну. И опять это, эвакуировали лошадей сыны его, зять мой, средняя сестра замужем за их сыном была.

С: А как его звали, не помните?

И: Кого?

С: Зятя.

И: Зять Гаврилов Александр Константинович, а тесть это, свекор его был Гаврилов Константин, ой, как же его, забыла. А он сам ушел к партизанам. Он работал, а его эвакуировали на Кубань, и они вместе с заводом, с лошадьми эвакуировались, вот это сестра, у нее родился как раз сын, на Кубань там по станицам, не знаю...

С: А с города, ну, отсюда, из Красногвардейска кто-нибудь уезжал?

И: Ну конечно уезжали, партийные, райком партии эвакуировался, исполкомы, все эти сотрудники, кто это.

С: А кого-то помните по фамилиям?

И: Я ж была подростком, я, кого я помню, забыла... Вы знаете, щас память, может потом вспомню, забываешь вообще, у меня было дважды сотрясение мозга, и я бывает вообще, отключаюсь. Вот почему-то что в детстве было, это все помнишь, а щас, где что положь, где что поставь, забываешь.

С: А вот подружки у вас здесь же были в Красногвардейске, знакомые, соседи?

И: Ну конечно были школьные подружки, мы втроем ушли, так две, когда поезд повернул на феодосийскую ветку, попрыгали на ходу, вернулись домой, а я поехала дальше.

С: А как подружек звали, помните?

И: Одну Женя, одну Маша. Одна была эта, Игнатьева Женя, а другая – Маша. Так после войны я Машу не видела, то ли она за летчика вышла замуж.

С: А еще подружки какие-то здесь были, знакомые?

И: Ну, подружки были, понимаете, я в школе была, вот у меня у нас была классный руководитель, она историю преподавала, Татьяна Григорьевна Евреиновна, я была как ее правая рука, все скетчи, пьесы, танцы, и она была секретарем, первым секретарем, и старшей пионервожатой, у нас историю преподавала, было, преподает, так муха пролетит, слушаешь. И я ее так любила, после войны, спустя 62 года я с ней встретилась, она живет в..., сейчас ей 86 лет, она болеет очень.

С: А она кто по национальности?

И: Еврейка.

С: Еврейка? Она отсюда уехала?

И: Конечно, эвакуировались. Райкомовские, райкома партии, райком комсомола, все эти эвакуировались, но куда, не знаю, они, по-моему, в Подмоскowie, Татьяна Григорьевна где-то.

С: А вот не слышали перед войной о том, что вот, скажем, в Польше, в Германии евреев особенно расстреливают, в лагере специальные свозили?

И: Ну говорили так, вот по истории так вкратцах.

С: На уроках истории?

И: Да, говорили, конечно, и мы знали, и потом война началась, газеты читали, радио слушали, все эти ужасы, пока-месь самой не пришлось пережить. Там это я говорю, что вот купили мне, этот хозяин с мамой, так мы, там было 14 коров только дойных, 12 таких телок тельных, были еще телята, свинарник и на полях, и в огороде работала, и в поле и, в общем все, ну, правда, нас не обижал хозяин, не бил, в 5 часов утра вставали и допоздна. Ну на подвале там была кровать такая деревянная, солома постлали спали, вместо матраца, солома, простынь. Вот, освобождали нас американцы, я тоже попала, в лагере была в больнице, дифтерией заболела, освободили, там парень, с которым, за кого я вышла замуж, мой жених своим другом разыскал меня, в лесу был какой-то госпиталь или больница, бараки деревянные, артиллерия била, осколок, я там тоже перинами накрывались. Дым такой, осколок, все поразбегались больные, а я, у меня температура, я натянула эту перину, вот так в углу лежала, туда в углу койка, здесь такая была как веранда, окно большое, двери стеклянные, слышу, снаряд и звенит. Ой, вы знаете, разорвался снаряд, через стекло влетел над головой, в стенку ударился, вот такой вот осколок большой, толстый, больше пальца, горячий, в стенку, пробил стенку и упал у меня на голову, и в ногах у стенку. И вот слышу, задыхаюсь от дыма, раскрыла, обожгла руку, а там, смотрю, горячие осколки. И вот мама так и не верит в бога, мама молилась за меня богу, и вот, наверно, молитвы ее спасли, горячие осколки, если б они не вдарились в стенку, значит, у меня б и черепа половину снесло и полноги ..., такой толстый и горячий острый осколок.

С: А мама в это время где была?

И: В лагере была, в хозяина была, а потом в лагере опять, американцы тоже в лесу прятали нас в лагере, но потом нас отправили на родину. Тоже сразу паспорт не давали, считали предателями. Я говорю, предателями вы б были в том пекле, когда мы с карабинами пустыми отступали и не могли нам ни воды, армия не могла удержать такую ораву, я что ж я могла подросток сделать, если я попала в плен раненая и с ранеными, что я могла сделать, сколько пришлось пережить.

С: Так вас же силой увезли в Германию?

И: Да, потом в НГБ в Симферополь вызывало кругом...

С: Как называлось, вы говорите, куда вызывали?

И: НГБ, Симферополь.

С: А как расшифровывается, расшифровывается как?

И: Ну я не знаю, это где все следствия ведут, я знаю.

С: НГБ, да?

И: НГБ. На меня никаких не было, хоть здесь и были сплетни и все, я работала как-то контролером в кино, и кино началось, не пускала, рвались солдаты, одна пришла и начала на меня всяк обзывать и все. А я замуж вышла, в плену была, вышла замуж девушкой, защитили меня, там матросы были, патрули были и в милицию заявляли, везде данные в милиции были, что я... Потом три с половиной года ждала своего жениха, когда он еще в армию пошел. Шестеро детей у меня, 14 внуков, правнуков семь, три сына у меня, три дочки, старший на пенсии щас тоже, по болезни раньше был, подполковника в звании шел, на пенсию по болезни, в Чехословакии был..., приехал, шрам здесь на груди и на руке и не говорил. Я говорю «Что случилось?», пришел, говорит, живой вернулся и все, а больше ни о чем не спрашивайте, по сегодняшний день я ничего не знаю.

С: А вот скажите, когда вы с мамой сюда в Красногвардейск пришли из Геническа, в каком году?

И: В 45-м году.

С: Это уже в 45-м году?

И: Да, где-то уже осенью, заморозки.

С: То есть уже освободили?

И: Да, до Джанкоя нас довели тоже в товарных вагонах, а оттуда на крыше вагона мы ехали.

С: Но здесь уже немцев не было?

И: Ну конечно наши были.

С: Долго ехали, долго добирались?

И: Да, долго добирались...

С: А мама, получается, всю оккупацию здесь была?

И: Нет, в оккупацию она ж со мной попала...

С: А, то есть вы это уже из Германии возвращались. А вот когда вы с мамой, она в Геническ, вы говорите, пришла вещи менять, когда вы возвращались, вы сюда дошли?

И: Да, мы тогда тоже товарным поездом из Геническа доехали до Новоалексеевки, с Новоалексеевки тоже на крыше товарного вагона до Джанкоя, вечером приехали, а были заморозки, холодно, она сняла пальто, отдала мне, а сама так, нельзя было вечером ходить, нельзя, потому что стреляли на месте, пришлось дожидаться утра. А билетов не давали, поезда шли военные, мы до Джанкоя пешком с мамой пошли.

С: Сюда пришли, еще немцы были в городе?

И: Из Джанкоя, да. И вот это в скорости, сколько я пробыла...

С: А какие-то документы по городу вы развешивали, приказы немцев, что-то было такое?

И: Конечно были.

С: А какие?

И: За связи с этими, укрывательство партизан ... за какой-то, кто-то доносил или подразумевали что-то, людей забирали, расстреливали. У меня была возможность уйти в партизаны, но я не смогла это сделать, здесь был военнопленный матрос, возил начальника полиции шофером, был партизаном, выполнял задания партизан. А моя подруга, вот эта которая прыгнула с санитарного поезда, вернулась, она с ним встречалась. И такой стройный красивый парень, и она у нас красивая. И он, оказывается, с ней встречался и любил. Когда я пришла с плена, она приходила с ним ко мне, а потом позвала к себе ... и они пошли провожать. И он стал ко мне приходить, приходил, я увидела, что он идет, а я его предателем... через забор короткий такой был рядом дом... я Я видела, что он бежит, и через забор перемахнула и к этой подруге удрала. Прибежала, двери на крючок, говорит: «Тетя Катя, спрячьте меня». «А шо так?» А у них, когда заходишь в коридорчик, потом кухонька, здесь окно, столик, тут топчан, тут плитка, балкон вот у двери, и так висит, гардероба не было, знаете, раньше вешалка такая, для одежды и занавеска... посреди комнаты стоял стол. По эту сторону стояла кровать и по эту.

«Спрячьте!» - говорю, - «за мной гонятся». И я за эту, она говорит: «Давай сюда». Я только за вешалку, а он успел... как я заскочил в эти двери. И двери рвет все, откройте, стрелять буду. Она открыла, она по-украински говорила, а подруга у меня пела так, на гитаре играла, мы, бывало, соберемся, поем, а она на гитаре играет. «Где» - говорит, - «Надя делась?» «Ее нема». «Я видел, как она заскочила». И давай смотреть, под одну кровать поднял простынь, под другую покрывало, под стол заглянул, скатерть такая... «Как же - говорит, - нет? А это кто?» - и давай гоняться за мной вокруг стола. А он выполнил задание, и ему надо было уйти к партизанам, и он хотел, чтоб я с ним шла. И вытащил меня, отвел в сторону забора и говорит: «Я сегодня уйду к партизанам, я хочу, чтоб ты со мной пошла, иначе забирают молодежь, тебя угонят в Германию». А я говорю: «Фашист, предатель!» Как я его только ни называла. «Как я тебя ненавижу! Как ты мог! Ты носишь форму краснофлотца и начальника полиции!» «Ты выслушай меня. Я вынужден, я нарушаю закон и клятву, данную перед родиной. Я не фашист. Я выполняю... Уйдем сегодня ночью, уйдем, я клянусь тебе!» - стал на колени. А, вы знаете, я, если б могла, я б его убила, у меня, ну что он был до чего красивый, стройный, у меня столько было к нему ненависти, что если б я могла, я бы это сделала. Если б я нашла, чем убить, меня бы все равно, у сестры пятеро детей, родители, всех немцы уничтожат. И если даже уже так я и стала, подумала, все, я, говорю, не знаю, подумаю, и он ушел. И он ночью бегал под окнами, молил и кричал, а я залезла под стол и родители меня пускали, вот, и не пошла. Если б, я подумала, если бы это действительно хорошо, я соглашусь с ним, пусть меня немцы расстреляют. Но если это правда и я уйду к партизанам, расстреляют сестру с пятермя детьми, расстреляют родителей, могу я спасти жизнь такой ценой? Я не смогла этого сделать, поэтому я попала в Германию. И вот когда я вернулась в Германию, в ... леса уходили наши партизаны, кто-то предал, и всех их расстреляли, и он погиб. Я уже знала от этой подруги моей, которая приехала когда, что это было-таки действительно, он был связным партизанам и выполнял задание свое. Если б я пошла, конечно, то меня б расстреляли, так мало того, погибли б все. Вот такая петрушка.

С: А вот скажите, когда с мамой сюда вернулись, она рассказывала, что здесь, вот когда фашисты вошли в город, что-то делали?..

И: Делали, расстреливали евреев, здесь была семья одна, крымские татары, мама дружила с ним, она тоже, семья большая была, а он был сапожником, вот где у нас пельменная, там во дворе маленькая земляночка была, и они там жили, большая семья была, он был сапожником, день и ночь работал.

С: А как его звали, помните?

И: Его не знаю, а ее, тоже не знаю. Женя у них старшая дочь была, много детей, я уже позабыла. Мама с ней очень дружила. Она тоже брала со столовой скатерти стирала, мама брала стирку, стирала тоже и она, и они дружили. И вот их кто-то выдал, что не евреи, но караимские татары у них, как и еврейская вера или что, и их пришли расстреливать, семья очень большая была. Так обратилась, она сказала, что вот мама ее знает все, и маму вызвали к коменданту. И никто из соседей, кто жили рядом, никто не подтвердил, что они не евреи, а татары. Одна мама взяла на себя и спасло еще, отпустили, значить, дочку или кого, что нашли метрики одной дочки, там написано, что их спасло, их чуть не расстреляли. Многие так люди...

С: А что там было написано в метриках?

И: ... людей мама вызволяла, вот это приходили, плакали родственники, пойдите, пожалуйста, как переводчицей это, но она не работала, просто йшла помочь людям, спасти людей. И потом, как потом ее привязали вот эти же, которые соседи были, которые чуть татар этих вот не расстреляли, предавали, что она была переводчицей. Какой же она была переводчицей, когда люди пришли, плачут, просят о помощи, и она пошла, рассказала, чтоб... нашли метрики. А предателей было полно.

С: Это уже после войны?

И: Конечно после войны, после войны, конечно.

С: А еще какие-то семьи тут расстреливали, что-то было еще помимо этого?

И: Ну я же была в этом вот она, у пекле, да. Рассказывала мама сколько много и люди вот так, даже и фамилии уже не помню, что встречались и благодарили маму, спасибо твоей маме, благодаря ей мы остались живы.

С: А что вот вы, как она могла, что-то переводить, говорила что-то?

И: Ну да, говорила, переводила, но она же урожденная эта, немка, мама разговаривала свободно. Она йшла, защищала людей, подтверждала.

С: Подтверждала что? А что подтверждала?

И: Ну то, что они не евреи и то, шо они не партийные, мол, хоть и знала, что партийные где-то и мужья и все, и защищала, говорила противоположное все. В общем, рисковала и своей семьей и собою.

С: А что, много евреев расстреливали и евреев гоняли, да?

И: Евреев расстреливали, да, говорят, вот здесь ров был, расстреливали, кто не успел эвакуироваться, расстреливали евреев.

С: Это мама рассказывала?

И: Мама рассказывала, люди рассказывали, да, ночью их вылавливали. А у меня в Германии была подружка, еврейская семья, попали в Германию, тоже в Германию. Евреи могут и по-немецки понимают. И в лагере мы познакомились, Лортман, как же ее, Лортман фамилия, где-то и фотография была, потерялася, как ее. И родители, они скрывались сколько в этих у подвалах, все, потом их тоже выдали, выловили облавой и в лагере вот она, родители в одном месте, а она в другом была.

С: А они откуда были?

И: С какого-то города, уже не помню. Конечно, евреев расстреливали, а теперь пожалуйте, евреи едут и им дают жилье, и пенсии получают хорошие, все, такое было, да.

С: Ну а какие-то приказы вот еще с ними связанные были?

И: Та висели кругом, везде, и на дверях, и на стенах, и везде, что за связь с партизанами, и за это расстрел, расстрел, расстрел, без конца расстрел, без конца людей трясли за души.

С: А за что же так евреев расстреливали?

И: А бог его знает, за что. Фашисты шо хотели, то и делали... Почему они были так, не знаю, за что.

С: А вот в сквере памятник есть у вас, там стоит, небольшой такой, вот стела, фамилии там перечислены.

И: Там Заберин похоронен, у меня была подружка, одна школьница, отличница, ее отец был начальником станции нашей. И он связь имел с партизанами. И он, Кондрашев здесь вот был один это, Коля, он умер, а старший брат тоже старший и с это, уже тоже умер, здесь его жена живет, тоже имел он, связистом партизанам был. И Заберина, они жили на вокзале, она отличницей была, у мене по математике было слабо, я часто у них бывала, она мне помогала, мы очень дружили. Но после войны мне с ней не удалось связаться. Вот это памятник там, Заберин, еще там партизан порасстреляли, это я уже знала, а весь парк этот немцы вырубали, и там был кладбище, сплошные могилы немецкие и кресты. Это уже потом, нас освободили, разровняли и высадили новый парк, тут был парк большой.

С: А вот скажите, мама не рассказывала, не помните, а евреи приходили к ней, просили помощи вот, чтоб переводила?

И: Не знаю я, вот это караимские татары, это приходили, приходили кто там много, но кто, я ж их не знаю, девчонкой была, откуда я знаю. Поселок, правда, был небольшой у нас там. Как раз когда немцы вошли, я здесь не была.

С: А вот рассказывали, вокруг тут колхозы, селения были, они еще даже национальные были, да?

И: Да, еврейские участки были, немецкие были, вот Покровка там, вот, немецкая, это здесь Знаменка, вот это вот у этом. «Россия» колхоз, щас там тоже евреи были, были, да, еврейские участки, немецкие были колонии целые.

С: А там не помните, люди уезжали или оставались?

И: Татарские деревни были, да.

С: Оставались там люди или уезжали, не помните?

И: Так эвакуировали, немцев же отправили, вакуировали, наша власть, отправляли, они боялись, что они продадут, они ... помогли, спасали наших людей.

С: А, скажем, евреи вот из еврейских колхозов?

И: А евреи сами эвакуировались, уезжали кто куда мог, это я знаю. Партийные работники тоже уезжали, были приказы, куда что, этого я не знаю, потому что, знаю, что эвакуировались люди, многие после войны возвращались.

С: А татары, татарские колхозы?

И: Татар много очень было здесь, татары жили и по селам, кругом, в колхозах работали, у них были домики такие маленькие земляные крыши, земляной пол, маленькие окошки. Но когда немцы вошли, много в полиции было, расстреливали наших людей татары, полицейские. У нас сваты с Научного поселка, вот там за Научным Бахчисарайского района, кто успел уйти к партизанам, те ушли, а кто не успел, в колодце там копанки расставили над колодцем и расстреливали и старого, и малого, и раненый, и какой, всех в колодцы.

С: А кто расстреливал, немцы?

И: Татары, полицейские татары, да. И вот интересно, почему и в Германии, и в Австрии очутились татары, они, видно, вот эти кто были полицейскими, отступали с немцами, видно, у них там и дети родились, и они получают льготу как пострадавшие. А татар уже вот, я не знаю, после войны, по-моему, эвакуировали отсюда, я знаю как... Вот они считают себя пострадавшими. Какие же они пострадавшими!? Родились в Узбекистане, до старости прожили. Ни одна пуля, ни один снаряд не разорвался. Мы с такой разрухи, с развалин восстановили страну, а они на все готовое приезжают и вот так рот раззывают и все земли захватывают, они пострадавшие. Ну где же это вот закон и где ж это человеческое вообще совесть, скажите, ну какой он пострадавший, если он родился и до старости прожил в Узбекистане. Предки ихние, а где русских предков нет. Да ведь Крым – национальный, у нас в одном дворе и гречанка жили, и немцы русские, и татары жили, и чешка, и украинцы. Вот это центр вот здесь, под одной крышей по несколько квартир было, все национальности, все были равные, работы всем хватало и земли хватало, и никто не сказал: ты – хохол, ты – немец. То мне немцы приехали, совсем девочка, не могла разговаривать, и мы общались: я по-своему, она по-своему... Они быстро осваивают русский язык, а я не научилась, несмотря что у меня мама, я не умею по-немецки говорить, и не умела, и ненавидела его. У нас немка была учительница, как стих выучил, у нас на квартире еврейка была, Маня Каган, она вот так на уроке вывернет веки, все ха-ха-ха... Стихи, сказки рассказывала всякие анекдоты про них, такая симпатичная девочка была, а еврейский с немецким сходится. Стихи выучивала, всегда отлично получала, как диктант – так обязательно плохо. А сестра работала в раймаге продавцом... И она всегда придет и скажет, а мама когда узнавала, она меня била всегда. И я за это ее ненавидела...

С: А вот эта Маня, как вы говорите, подруга ваша, которая класс весь смешила.

И: Да, они эвакуировались в войну, после войны она, да и другая, Хава, Клава ее по-русскому, по нашей улице потом построили здесь, уехали вот эта Хава, уехала в Германию с семьей и сыном, и с братом.

С: Это вот сейчас все?

И: После войны, да, не очень давно, сколько, два года, может быть, тому назад или год. А Маня тоже, вернулись они, эвакуировались, где, не знаю, вышла замуж тоже, тоже жили здесь.

С: Потом вернулись сюда?

И: Да, даже эта старшая была, так отбила мне жениха, она жаловалась, вышла замуж за него.

С: А вот помните, они, вы говорите, еврейский похож был на немецкий, да? То есть они разговаривали на своем языке?

И: Разговаривали и на своем. Ну вот, например, если диктовка, она писала правильно, или вот стих, или переводить, там читаешь книгу, заставляли ж перевод делать, надо, смотришь, этот вот она переводчик этот вот смотришь ищешь и ищешь его, пока найдешь, она переведет тебе запросто.

С: Хорошо немецкий знали?

И: Да.

С: А на своем, на еврейском языке говорили, слышали вы его?

И: Я слышала, но не говорила и не понимала.

С: Но вот ваши подружки говорили, да?

И: Так по-русски все говорили по-русски, между собой иногда по-еврейски говорили, а по-русски разговаривали. Так как и татары сейчас, между собой говорят это, а с тобой по-русски. Русский язык все знают, только мы не очень вникаем.

С: А по-украински?

И: По-украински, вот, считаюсь украинка, да, пишуь русская, паспорт последний меняла, написала. Ну, какая украинка, если я не понимаю слов, вот на Украину приезжала, всегда со мной по-украински, по-русски общались, и я все понимала, говорила. Но вот как телевизор, кино смотришь, так из десяти одно слово пока уловишь, никак, аж зло берет. И я стала писаться русская, ну какая украинка, если я не, отец был украинец, а мама, по отцу ж гарантия была.

С: А отец откуда у вас был с Украины?

И: Отец с Геническа.

С: Из Геническа, и мать оттуда же?

И: Нет, мама с Одесской области где-то, не знаю. Отец из Геническа.

С: А бабушек, дедушек помните.

И: Нет, я когда родилась, никого не было, там где-то фотографии, там старенькие такие, раньше мода такая старинная такая была.

С: А что-нибудь рассказывали вам родители о них?

И: Ну что рассказывали, семья большая такая была у нас, тоже 12 душ у маме было, и у 17, и у 20 лет умирали, и у 29...

С: Ну долго, может быть, прожили бабушка с дедушкой, старожилы были какими?

И: Ну тоже с бедных крестьянских семей были, не было чего радостного рассказывать, все жили бедно, трудились, своим трудом все зарабатывали. Бабушка это у помещика где-то служила раньше тогда. Ну я уже плохо помню, как-то раньше я не вникала в это. Бабушки не было живой, дедушки тоже, ни одного, ни другого и не видела, все. Знаю, что мама говорила, что родители у помещиков...

С: Ее тоже родители?

И: Да, а где как, бог его знает. Такое дело. Главное, что это, в Темрюке фотографировалась, и мы на другой день на фронт уехали, фотографии не получала, даже в военной форме меня, но у плену все документы забрали, ничего не сохранилось. Документы не дают при побеге, так что там детство мое прошло, юность, война, голод, холод, ужасы эти все, хорошего ничего не было. Замуж вышла, тоже работала все время, по 2-3 года не ходила в отпуск, потому что надо было работать, одевать, обувать. Дети сами пробили себе дорогу, в институты поступали, пенсия маленькая была, чи стипендия, одевать-обувать надо было.

С: А вот скажите, вы говорите, вот мама все-таки, как ни боролись с религией, молилась, а в городе были какие-нибудь может быть храмы молитвенные или что-то было?

- И: Я ж в городе не жила.
- С: Ну здесь вот, в Красногвардейске у вас?
- И: Ну здесь же у нас поселок был, не город. Была церковь у нас здесь, большая церковь, а потом ее разорили, взрывали, вот белый дом построили там, где церковь.
- С: А мечеть, скажем, вот, много татарских?..
- И: Мечеть была татарская тоже, но только вот туда к видному, там, остался блок...
- С: А синагога была, вот все-таки еврейские колхозы были, не знаете?
- И: Еврейские колхозы были, а что там, у них церковей не было, что там было, не знаю.
- С: Молитвенный какой-нибудь?..
- И: На участке, я не знаю, вот эти были у нас на квартире две евреечки, и я ездила к ним домой в гости, но работали в колхозе, как все люди, жили как все.
- С: Это еще до войны они у вас?
- И: До войны.
- С: А как звали их, не помните?
- И: Хавайнысу(?), брат и сестра, Клава по-русскому, а потом его ... И Маня была.
- С: Так они тут в колхозе работали, или просто у вас...
- И: Родители работали в колхозе, а они учились вот в нашей школе возле милиции... вот где аптека, вот щас дом, школьная библиотека, то есть библиотека щас там... мы там жили, как раз в центре.
- С: Так вы, наверное, с ними дружили, если рядом?
- И: Ну а как же, конечно дружила со всеми, с ними, со всеми дружила. Я вообще кругом заводила была, как этот, как мальчишка кругом.
- С: А праздники какие-нибудь вместе праздновали?
- И: Ну все советские праздники праздновали, и в войны гуляла, любила, и всегда любила Чапаем быть, девчонки обижались, мы брали палочку и мерялись, чей ... под Чапаева. Делали себе сабли с этих, с обручей, с бочек обруча. И вот на саблях стали драться, и мне сабля моя вылетела и прямо по губам... Дрались с этими, с мальчишками, воевали, пришлось на фронт пойти, воевать.
- С: А Рождество праздновали, все-таки такой праздник большой?
- И: Рождество, раньше Новый Год, раньше ж это, ну, божественные запрещались, но у мамы были две иконки висели, она праздновала, потому что и зять партийный, там и все партийные, нельзя было. Ну а мама все равно паски пекла для себя, мы отдельно жили, как, в церковь не ходили. Так мама, к ней приходила какая-то женщина, Библия такая большая была, читала. Сыны были партийные.
- С: А вот вы говорите, как, Хала, да, жили у вас на квартире, а у них какие-то праздники интересные были?
- И: Были, но я не знаю, как названия. У нас вот на Пасху паски, а у них мацу пекут, угощали меня.
- С: Угощали, да? Вкусная была, какая она вот на вкус, помните?
- И: Ну она такая, вот знаете, с пресного теста делался наподобие ну как корж раскатанный, такие дырочки. Да и щас меня моя учительница иногда с Израиля, ей приходят посылки, и вот этой мацой тоже угощала меня, приносила мне, угощала.
- С: А они сами делали или?..
- И: Наподобие как у нас вот печенье обезжиренное такое, сухое, это на чем они пекут, на воде или что, маца.
- С: А не знаете, сами, родители им делали, или откуда?
- И: Ну конечно родители, девчонки ж учились в школе. По траву ходили, репейник, если на степь собирали, этот навоз в печке на дворе топили, готовили, раньше соломой и кураем, все таскали траву, где только приходилось все. Еще нанималась до людей нянчить, своих племянников отвезу в ясли, в сад, смотрела девочку, когда она спит, я отдыхала.

С: А еще какие-нибудь праздники вот, незнакомые, знаете. Вот, из других национальностей, помните, может быть, что-то интересное.

И: Не знаю я, других национальностей я там не интересовалась праздниками.

С: Ну, может, чем-то интересным, вкусным угощали, необычным?

И: Та нет, ну вот, например, мама могла, я и шас умею штруделя делать хорошие, с теста делаются. Это немецкое называется кушанье.

С: А как оно делается?

И: Делается любое жаркое с подливой, немножко картошки, катаются коржи, как на лапшу, тонко-тонко, смазываются жиром, скатывают, режутся такими кусочками. Надо угадать подливу, с мясом тушатся, если много, получается, как галушки, а если мало – сухие... потом крышку, пресс ложится на крышку и полотенце влажное откручивается и на слабом огне варится полчаса...

С: Наверно, вкусно.

И: Вкусно, у нас все любят, даже старший сын научился готовить. Он учился, когда на шофера военкомат его посылал еще тогда. Старший сын, средний сын, высшее образование у них.

С: А вот еще скажите, а вот на Пасху у нас же одна паска, а вот у евреев, у них когда мацу делали, помните, отличается, раньше тоже, или тоже как-то?

И: Да, у них раньше, и всегда, когда еврейская, говорили «жидовские кучки» называли у нас по-русскому.

С: А почему, что это за кучки?

И: А потому что, когда еврейская пасха, всегда такие ветры, посадки засыпало, сильные ветры, метет все... И начинаются ветры, такая пыль, вот трасса вот эта московская, раньше вот это ж повыпилили, там такая была эта, насаждения деревьев, вот так вот она, едешь вот так как ворота видны... и сады повыпилили все. А то заносило посадки, те кустарники заносило, поля заносило, посадки ж эти садили, чтоб посева оберегать эти, и потом щиты деревянные ставили по-над железной дорогой, когда начинались эти, перед этим, еврейскими кучками, такие сильные ветры, пыль несет, прямо посева... земли, такие как сугробы снежные, такие вот она эти кучи наносят.

С: Пыли?

И: Да, пыли, надувает все.

С: Вот это и назывались кучками?

И: Да, ну потому наверно «еврейские кучки» называют, не знаю... за две недели, по-моему, или за неделю до русской пасхи. До войны у нас хлопок рос, вот здесь вот это все степь была, вот где московская трасса, сюда была степь, я еще помню, не помню, во второй класс или в первый ходила, уже снег лег на коробочках был снег, мы собирали коробочки этот, хлопок. В колхозах сеяли горох, сарго, кукурузу, поля пшеницы, ячменя, красса. Все это было. Помню, первый класс пошла, нас повели на экскурсию, вот здесь вот это где московская трасса, раньше грунтовая была трасса, перешли дорогу и учительница говорит, вот, смотрите, дети, хлеб растет, а мы смотрим – пшеница, а где ж хлеб? Вот это хлеб. Ну, какой же это хлеб, так это хлеб же, это... сорвала колос, смотрите, Это зерно, его надо скосить, обмолотить, смолоть, а потом, а мы думали, пришли, булки там будут. Когда смотрим – колоски, где ж этот хлеб? Вот такие дурни были.

С: А что еще вот, вы говорите, еврейские кучки были, а потом как раз Пасха была, в это время?

И: Да, потом уже после еврейской Пасхи была наша Пасха русская.

С: А что еще вот на еврейскую Пасху делали, не помните?

И: Я не знаю, у них свое там готовят что, я не была в гостях на это. Угощали меня мацой, так я не была, не знаю.

С: Ну может быть песни какие-то поют, праздник все-таки.

И: Поют, конечно, по-своему поют и все. И там у них или читают молитву или не знаю что, я не общалась, там не была у них, понимаете, не знаю.

С: А еще какие-то праздники такие вот были интересные?

И: Ну советские праздники я знаю, что такие, как Октябрьская революция... Первое Мая.

С: Ну а вот, скажем, когда там свечи чтоб зажигали, что-то такое?

И: В церковь я не ходила, с такими это.

С: А церковь работала до войны?

И: Работала до войны, была, а потом ее снесли и поставили баню, сделали в той церкви.

С: Это в каком году приблизительно?

И: Ну я не знаю, в каком году, это еще перед войной сделали с церкви, купола эти снимали, и еще когда разорвали церковь, ходили, смотрели, как там нарисовано красиво это все. И купола снесли и сделали. Общественная баня была...